

УДК 32.130.3

КРИТИКА РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК МЕРА ЕЕ ПРОГРЕССА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: FilatovNN@info.sgu.ru

В статье анализируются теоретические противоречия в современных критических оценках достижений российской демократии. Эти противоречия интерпретируются как отражение в массовом сознании и сознании элит фактической состоятельности российской демократии и господствующей в обществе готовности развиваться в рамках демократического процесса.

Ключевые слова: концепции демократии, транзитология, массовое сознание, общественная трансформация, демократический процесс.

Criticism of Russian Democracy as a Measure of Its Progress

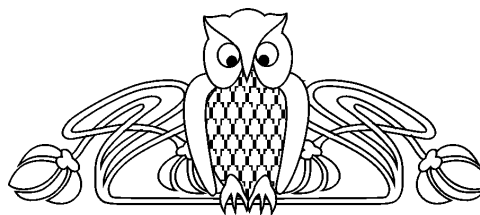
N.N. Filatov

The paper analyzes theoretical contradictions in modern critical estimations of Russian democracy achievements. These contradictions are interpreted as reflection in mass & elite consciousness of the actual strength of Russian democracy and the society's prevailing readiness to develop within the democratic process framework.

Key words: concepts of democracy, transatology, mass consciousness, sociological transformation, democratic process.

За минувшее столетие и в начале нынешнего века российская демократия как идея и как институализированная социальная и политико-элитарная практика прошла длительный путь изменений от умеренной либеральной системы, конкурирующей с самодержавной традицией общественной и государственной жизни, через радикальную форму советской демократии, конкурирующую с моделями «западной демократии», к нынешней радикальной форме либеральной демократии и далее, к некоторой новой форме, определение сути которой в настоящее время выглядело бы излишне поспешным и несло бы на себе неизбежный отпечаток идеологической ангажированности.

В сравнении с состоянием российской политической системы в досоветское (имперское) время прогресс принципов, институционализированных и не институализированных проявлений демократии в общественной и государственной жизни очевиден. Тем не менее каждый новый шаг в развитии демократических начал российской общественно-политической жизни вызывал волну публицистической и научной критики. Причем предметом критики становился в основном тот круг проблем общественной и государственной жизни, само существование которых является

свидетельством наличия прогресса в затянувшемся более чем на век демократическом транзите России. Собственно, именно эта критика в большей степени, чем объективные факты правовых, культурных, экономических проявлений отечественной демократии, побуждает исследователей к принципиальной постановке вопроса: а имеет ли место в российских условиях, в том числе и сегодня, демократический транзит как таковой, если проблем, выделяемых критиками в политическом процессе, больше, чем объективных достижений?

«В современной российской политической практике, – пишет известный московский политолог Н.Ю. Беляева, – разговор об институтах публичной политики все чаще, особенно после 2003 года, начинается с констатации неэффективности этих институтов. В частности, критикуется неэффективность парламента, поскольку при явном доминировании одной партии парламентские дискуссии утрачивают свой смысл. Кроме того, очевидна неэффективность института разделения властей, так как исполнительная власть практически диктует свою волю законодательной. Не эффективен и институт политических партий в России, поскольку партии не смогли стать инструментом выражения политических интересов и политической воли больших социальных групп. Нарастающей критике подвергается также институт выборов, так как регулярно изменяющиеся правила проведения выборов все больше ограничивают круг политических субъектов, сужают права граждан, повышают «цену входа» на политический рынок, публичные выборы глав субъектов РФ подменяются непубличным согласованием кандидатур губернаторов с политическими элитами регионов. Перечисленное позволяет говорить о системном кризисе институтов публичной политики»¹.

В объяснении того, почему вопреки масштабной критике демократических принципов и процедур эти принципы и процедуры продолжают существовать, Н.Ю. Беляева опирается на авторитетное суждение одного из ведущих отечественных политологов С.В. Патрушева. Суть его позиции в том, что да, действительно, основная масса демократических институтов и принципов не эффективна по своим объективным свойствам, но в самой этой неэффективности заинтересовано государство. Неэффективность позволяет государ-

ству «максимизировать разницу между доходами и расходами казны»². То есть, проще говоря, низкая эффективность демократических институтов и процедур легитимирует низкий уровень инвестирования государством ресурсов в сферу демократических отношений. Ссылается Н.Ю. Беляева и на ряд других теоретических позиций, с которых, на ее взгляд, можно объяснить данный феномен: эффективности нет, а демократический процесс идет. Объяснения довольно распространенные в современной политологической и юридической литературе: особенности российского менталитета и особенности российской институциональной традиции.

Но данный парадокс может быть интерпретирован и с иных теоретических позиций. Критериев эффективности функционирования институтов демократии, объективных и независимых от высокой динамики политических процессов в современной России, просто нет. Субъективным критерием, подменяющим во многих научных рассуждениях фактическую сторону дела, выступает то, насколько эти институты российской демократии, по мнению того или иного аналитика, отклоняются от экономических, политико-культурных и юридических «эталонов», позаимствованных из арсенала «западной» научно-теоретической мысли. В объективном же плане мы постоянно имеем дело с широким спектром более или менее очевидных последствий функционирования демократических структур в российской политической практике. Разброс этих последствий во времени и пространстве и их способность проявиться в долгосрочной либо краткосрочной перспективах делают любую претензию на окончательную оценку эффективности весьма проблематичной. Для государства, а точнее для круга аналитиков, обслуживающих его интересы соучастия с обществом в демократической политике, эта проблема достоверной оценки эффективности демократического компонента политики на основании разрозненных положительных и отрицательных фактов тоже существует.

Уровень демократичности, достигнутый обществом, измеряется не только количеством и качеством, масштабом и функциональностью политических институтов, не только динамичностью демократических процедур. В конечном итоге и то и другое предопределяется показателем совсем иного рода.

Демократичность процессов, протекающих в рамках социально-политической системы, в принципе может быть измерена, причем с гораздо большей, чем в рамках институционального и правовых подходов, точностью. Например, при помощи такого показателя, как состояние проблемного поля, в пределах которого работает общественная (научная и публицистическая) мысль в направлении осмысления накопленного опыта и прогнозирования вариантов грядущего развития социума. Масштаб готовности общественного

сознания ставить проблемы на всеобщее обозрение и широко их обсуждать с критических позиций может быть принят за показатель той глубины, на которую идея демократии проникла в политическую культуру социума на том или ином историческом этапе его развития.

В этом смысле представляются малопродуктивными дискуссии в среде отечественных политологов и юристов по поводу того, есть или нет в России гражданское общество и правовое государство, есть или нет демократия вообще, апеллирующие к нормативным и институциональным критериям. По давнему и справедливому наблюдению известного отечественного социолога и экономиста Т.И. Заславской, «глубокие сдвиги, происходящие в базовых институтах, регулирующих отношения власти, собственности, прав и свобод человека, часто ведут не к формированию правового государства и правового общества, а в прямо противоположную сторону»³.

Все эти дискуссии и аналитические позиции обычно на проверку оказываются априорно привязаны к теоретической установке, более или менее откровенно позиционируемой разными исследователями, что западный либерализм есть мера всех демократических «вещей». Либо, напротив, имеет место привязка к противоположной, почвеннической посылке, подразумевающей, что демократии в России вовек не бывать. Тем более, что в качестве решающего аргумента в этих дискуссиях нередко выступают мнения авторитетных специалистов, возведенные в абсолют⁴. Это само по себе нарушает строгость научной аргументации, поскольку субъективное мнение по поводу реальности прямо отождествляется с самой реальностью факта. Тем не менее такой ход научной мысли достаточно распространен.

«В России, – пишет саратовский политолог О.С. Скорородова, – несмотря на официально объявленный демократический курс, исторически сложилась и устойчиво существует не диалогичная форма отношений между властью и обществом. Несмотря на изменение политического курса страны, политическим элитам по-прежнему свойственна отстраненность от происходящего в обществе, неспособность к диалогу с ним»⁵. Аргументами, определяющими критический настрой этого и дальнейших рассуждений автора, выступают столь же критичные и эмоциональные суждения известных аналитиков М.М. Ракитянского и В.В. Крамника⁶, суть которых сводится к тому, что для российской власти исторически характерно всезнайство, заслоняющее собой рациональность властного мышления и действия.

Если говорить о пространстве критики современной российской демократии, то, конечно, основным показателем состоятельности или несостоятельности российской демократии

как предмета критики здесь будет логическая связь между основными претензиями к качеству российской демократии. Поскольку именно наличие такой логики, на наш взгляд, отражает уровень понимания проблем демократического развития, как уже ставших органичными или оставшихся совсем неорганичными, российской действительности, то есть понимание демократии как состоявшегося факта отечественной истории, который просто еще не до конца осмыслен и оценен современниками и потому фундаментально интересен для науки, или же понимание демократии как частного намерения отдельных категорий властных политических и экономических элит. Намерения, мимо которого политическая наука тоже не может пройти. Но для науки оно не обладает фундаментальным интересом, поскольку не определяет сути политических процессов в России, которая в большей степени подчинена исторической инерции.

Способность общества к самопознанию и самооценке всегда рассматривалась наукой в качестве важнейшего критерия цивилизационного прогресса. Думается, что это правило вполне применимо и к сфере политического. Тем более, что именно политика выступала прежде и выступает сегодня (в демократическом варианте особенно в условиях глобализации) неким «всеобщим эквивалентом» цивилизованности человеческих сообществ.

В тех критических высказываниях и оценках, которые отечественная наука адресует отечественной демократии, наблюдается отчетливая системность. Ее (если судить по цитированному выше суждению Н.Ю. Беляевой) можно рассматривать как отражение в конфигурации научной проблематики системности того кризиса, который в 90-е годы постиг российскую социально-политическую систему. На наш взгляд, ее правомерно интерпретировать иначе. Системность критики отражает системность предмета этой критики, а системность предмета, то есть поля ключевых проблем демократического развития, интересующих политологов, на наш взгляд, отражает системность самой реальности, которая подвергается научному опредмечиванию. Демократические преобразования, даже обладая изрядной долей незавершенности, доступны системному критическому осмыслению именно потому, что все же сформировались в определенную систему.

Системность критики выступает здесь естественным показателем готовности научного сообщества признать развитие российской демократии достигшим такого уровня, при котором каждая отдельная проблема принципиально не может уже существовать вне общего контекста затянувшегося в России демократического транзита. Системность критики достижений российской демократии обозначает признание научным сообществом того момента,

что в своем развитии российский социум и его элиты прошли некоторую «точку возврата» и демократический процесс приобрел смысл новой цивилизационной парадигмы. А это само по себе является важным показателем меры прогресса демократии как идеи и как практики в России. Уровень научного опредмечивания демократической реальности пусть косвенно, но довольно точно характеризует и качество самой реальности. По крайней мере, он свидетельствует о достигнутой или не достигнутой прочности позиций в общественном сознании той или иной демократической идеи и реальных проблем, связанных с ее существованием.

В качестве примера возьмем первый пункт из того списка научных претензий к современной российской демократии, который составила Н.Ю. Беляева. Речь идет о неэффективности российского парламента. Этот пример показателен тем, что российский парламентаризм представляет собой одно из наиболее очевидных достижений российской демократии и один из наиболее стабильно функционирующих институтов. Идея парламентаризма достаточно глубоко укоренилась в массовом и элитарном сознании⁷. Притом именно на парламентскую систему обращена значительная доля научной критики. Вероятно, что здесь можно говорить о некотором эффекте завышенных ожиданий со стороны сообщества отечественных политологов. Претензии к российскому парламентаризму предъявляются именно по тем позициям, по которым состоялась фактическая реализация базовых либеральных принципов парламентаризма. С одной стороны, очевидное преимущество парламентской системы, к которому всегда апеллировала мировая либеральная мысль, состоит в ее гибкости и способности быстро адаптироваться к колебаниям политического процесса. С другой стороны, те же адаптивные процессы в российской парламентской системе (положительные и негативные результаты этих процессов не отрицают их естественности) вызывают критическую характеристику именно в плане их неорганичности основным свойствам отечественной социально-политической системы.

Известный московский политолог Я.А. Пляйс, например, так оценивает факт перехода от мажоритарного к пропорциональному принципу при формировании структур представительства общественных интересов в политике: «Ускоренный и фактически волевой переход к другой системе (в нашем случае к пропорциональной) прерывает естественный процесс и переводит его с демократических рельсов на фактически авторитарные. Это заметно усложняет ситуацию и делает ее непредсказуемой. Если к этому добавить ограничения, введенные при выборах губернаторов и многих мэров, то предпочтение авторитарного пути развития ситуации... ста-

новится еще более очевидным. Оптимальная ситуация должна быть как раз обратной. В такое переходное время, как наше, элита должна заботиться прежде всего об укреплении и развитии демократических основ, а не наоборот. Это помимо всего прочего соответствует глобальным тенденциям и соответственно будет способствовать улучшению взаимодействия страны с внешним миром»⁸. Итог своего критического рассуждения автор подводит следующим образом: «... только тот парламент может называться представительным, в котором политические силы представляют весь спектр различных социальных интересов. И только такой парламент может полноценно выполнять все свои функции и быть самостоятельной ветвью власти»⁹.

Политическое развитие в принципе не может быть линейным. Из цитированного теоретического рассуждения видно, однако, что переход от одного принципа организации избирательной системы к другому, предпринятый в порядке поиска возможностей ее усовершенствования, переход, свидетельствующий как минимум об устойчивой функциональности парламентской системы в России и ее способности выдержать радикальную реконструкцию, однозначно оценивается как проявление регресса демократического процесса. Тем более, что можно согласиться с последующим суждением Я.А. Пляйса, представляющим уже не линейный, а диалектический ракурс анализа ситуации, сложившейся в политическом пространстве России.

«Без зрелых политических партий и демократической системы выборов и формирования власти в решении этой проблемы не обойтись. Но где все это взять, тем более в переходный период, и что делать, чем это все заменить, пока этого нет? Вот два принципиальных вопроса, на которые не так просто дать ответы. На первый вопрос приходится ответить, что взять *это, т.е. зрелые политические партии*, сейчас неоткуда. Кто может заменить их и выполнять их функции в то время, когда идет переходный процесс. Может это сделать только политическая элита, а, точнее говоря, та ее часть, которая осознает цели и задачи исторического процесса и готова выполнять необходимые функции. ... Такова непростая диалектика переходного процесса, сориентированного на демократию»¹⁰.

Такой ход политологического рассуждения подводит к выводу, что все осуществленное властью и политическими элитами, поддерживающими ее начинания, в плане реорганизации порядка формирования представительных органов власти на самом деле и есть тот оптимальный вариант, который только и мог состояться по условиям и качеству российского демократического транзита. Любой иной вариант, при всей своей желательности, был бы как раз в полном смысле неорганичен качеству российской политической традиции и тенденциям становле-

ния российской демократии. Демократический процесс в части становления институтов представительства политических интересов ответственных групп пошел тем путем, который был адекватен общему политическому контексту и вел к стабилизации функциональности важнейшего из институтов демократии. Считать ли это обнаружением прогресса, либо регресса российской демократии, ее достижением или существенным дефектом развития?

Вероятно, ситуация в научной критике российской демократии, ее достижений и потерь складывается так, что сами ученые неизбежно становятся заложниками собственных завышенных гражданских надежд и ожиданий, ожиданий от демократического процесса результатов больших, чем он может дать, по их же собственным аналитическим оценкам. Возможно, что эти завышенные ожидания как частное проявление общего фундаментального настроения массового сознания на демократический путь развития российского общества и есть в практическом измерении самое главное свидетельство демократического прогресса.

Примечания

- ¹ *Беляева Н.Ю.* Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Политический процесс в условиях подготовки к избирательным кампаниям 2007–2008 гг. в Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2007. С. 29.
- ² Там же. С. 29–30.
- ³ *Заславская Т.И.* О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 17.
- ⁴ Ростовский политолог М.Н. Коновалов, например, в своей диссертации, посвященной анализу причин пробуксовки административных реформ в постсоветской России, исходным моментом всех своих дальнейших рассуждений берет утверждение русского философа Н.А. Бердяева, согласно которому «географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восток–Запад, объединенное и организованное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем» (*Коновалов М.Н.* Административные реформы в России в постсоветский период: политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 3.). В самой исходной авторской посылке здесь уже как бы запрограммирован итоговый результат всего научного анализа и критической оценки усилий элит и общества по совершенствованию административного механизма: можно сколько угодно подталкивать демократизацию административной сферы, но с

природой не поспоришь. В реальности же суждение крупного русского философа, позиционированное в качестве истины в последней инстанции, всего лишь воспроизводит представления о логике российского политического процесса, весьма распространенные в среде российских историков и правоведов XIX столетия под влиянием исторических сочинений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

- 5 Скорородова О.С. Власть в России: взаимодействие с социумом в контексте выборов // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004. С. 265.
- 6 Ракитянский М.М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе поли-

тического реформирования // Психология восприятия власти. М., 2002.; Крамник В.В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000. С. 139.

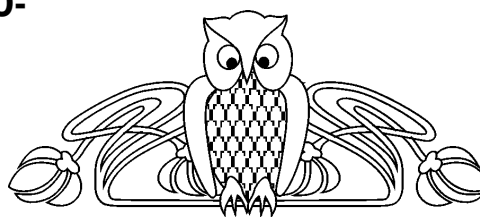
- 7 См.: Пивоваров Ю.С. «Между казачеством и кнутом» // Парламентаризм в России и Германии: История и современность. М., 2006. С. 37.
- 8 Пляйс Я.А. Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма // Парламентаризм в России и Германии. С. 49.
- 9 Там же. С. 50.
- 10 Там же. С. 53.

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

В.М. Суханов

Башкирский государственный университет
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

В статье представлен критический анализ концептуального подхода к проблемам федерализма одного из известных специалистов в данной области Д. Вайнстока. Проблемы федеративных отношений рассмотрены с точки зрения их взаимосвязи с различными аспектами политической идентичности в постсоветской России.

Ключевые слова: политическая идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, федерализм, федеративные отношения, демократизация.

Political Identity in the Context of Federal Relations: Theoretico-Methodological Aspects of Analysis

V.M. Sukhanov

The paper presents critical analysis of the conceptual approach to federalism problems by D. Winestock, a well-known expert in the field. The problems of federal relations are considered from the viewpoint of their interrelation with various aspects of political identity in the post-Soviet Russia.

Key words: political identity, regional identity, ethnical identity, federalism, federal relationships, democratization.

Одним из сложнейших вопросов в понимании политической идентичности является ее соотношение с особенностями федеративного устройства данного государства. На наш взгляд, важнейшее теоретико-методологическое значение для понимания различных аспектов данной проблемы имеет концептуальный подход одного из ведущих специалистов в этой области Д. Вайнстока. В рамках данной статьи остановимся на основных положениях его концепции, раскрывающей взаимосвязь федерализма и политической

идентичности, и попытаемся оценить ее на предмет применимости к специфическим условиям современной России.

Анализируя сильные и слабые стороны федерализма, Д. Вайнсток утверждает, что возникновение новых административных и политических образований и дифференциация соответствующих территориальных сообществ способны ослабить политическую идентичность, важнейшим фактором которой является идентифицирующий потенциал центральной власти. «Политическая идентичность ни в коей мере не является частью естественного порядка. Она, скорее, порождение политических обстоятельств, и во многом держится на определенной институциональной системе»¹.

Справедливость данного утверждения убедительно подтверждается процессами конца 1980-х – начала 1990-х гг. Политическая борьба за уничтожение этого институционального порядка в СССР, его делегитимация, в том числе лозунгом Б.Н. Ельцина и его сторонников «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», привели к очень серьезному ослаблению единой политической идентичности и ее дроблению на региональные составляющие. Вместе с тем, на наш взгляд, важно учитывать также, что идентифицирующий потенциал центральной власти, реализуемый в рамках политического управления, политической социализации, информационно-коммуникационного воздействия на общественное мнение, воспитания общенационального патриотизма имеет свои достаточно четкие пределы.